

Хозяева минных полей

Как русские сапёры – в их числе батальон «Свияга» – останавливают силы ВСУ

От линий окопов батальона «Ульяновск» и замаскированных позиций дивизиона «Симбирск» мы отправляемся на позиции третьего именованного батальона Ульяновской области – батальона «Свияга» – к нашим сапёрам. Уже больше года они находятся в зоне специальной военной операции.

Как правило, вклад сапёров в победу остаётся неизвестным: на слуху – подвиги штурмовиков и танкистов, десантников и разведчиков. Но именно сапёры из «Свияги» и десятков других подразделений сыграли одну из главных ролей в отражении украинского контрнаступления. Наглухо заминированные нашими сапёрами поля остановили «Бредли» и «Леопардов», и, как отметил верховный главнокоманду-

ющий, планы противника полностью провалились – инициатива перешла к нашей армии.

Только они, ребята из инженерно-сапёрных подразделений, знают цену этой победе: как под ураганным огнём противника они минировали ключевые направления, как расчищали от вражеских мин пути для наших сил.

Дороги до Артёмовска

Расположение батальона «Свияга» – это что-то среднее между замаскированным складом и мастерской. Район – тыловой, отсюда сапёры выезжают на задачи малыми группа-

ми к линии боевого соприкосновения или даже за неё и сюда возвращаются после.

Сердце расположения – это огромный склад минно-взрывного вооружения. Глядя на него, понимаешь: попади сюда вражеская ракета или беспилотник, на воздух взлетит всё в радиусе нескольких километров. На складе нас встречает сапёр с позывным «Крестик».

– Мин здесь тысячи, достаточно, чтобы перекрыть дорогу. Не бойтесь, сами не подорвёмся. Но противника подорвём, – говорит «Крестик». – Мы занимаемся минированием участков местности. Выходим на передовую и перед позициями нашей пехоты занимаемся минированием. Сейчас изобрели как бы ноу-хау нашего батальона. То есть мы минировать с РПГ. Выходим с РПГ, отстреливаем мину, и она раскрывается.

– Выходит, во многом благодаря вам украинское контрнаступление захлебнулось? Всё было заминировано?

– Благодаря многим ребятам, которые погибли, отдали свою жизнь за это. То есть благодаря большей части нашего батальона провалилось контрнаступление.

«Крестик» – один из опытных сапёров батальона. До специальной военной операции он служил по контракту во внутренних войсках. Поэтому и носит тельняшку. В горячих точках не был, это первая. Здесь «Крестик» сражается уже 14 месяцев.

Минно-взрывному делу обучался с нуля.

Формирование «Свяги» происходило в Тоцком – там проводили подготовку и обучение. Боевое минирование начинали на той стороне Днепра. Потом были Херсонская область, Алёшки, Угледар, Авдеевка. И вот сейчас Артёмовск.

– Как вы думаете, сколько времени уйдет потом на то, чтобы разминировать всё это?

– Чтобы всё разминировать, я думаю, потребует много времени. Помимо нас противник тоже накладывает мины. Неразорвавшихся снарядов полно. Работы здесь будет после войны много, – рассуждает «Крестик».

Чтобы выйти на позиции для минирования, нужно помимо самой РПГ тащить на себе заряды, маскироваться от противника. Перебежками, ползком сапёры выходят на рубежи: один заряжает, другой стреляет...

– Мы работаем в основном по «серому» времени, когда нас никто не видит: ни квадрокоптеры, ни противник. Ну и человеческий фактор. Поутру все люди спят. В это время мы отработываем, – объясняет сапёр. – Почему именно «серые часы»? В ночное время много квадрокоптеров. То есть они летают с тепловизорами и прятаться практически негде. Вся посадка лысая, голая. А по «серому» времени тепловизоры не видят, и у нас есть время, когда можно отработать.

Но это минирование. Разминировать страшнее. Во-первых, когда противник минировать, ты не знаешь, что он и как поставил. Во-вторых, специалистов у ВСУ много, бывают и сюрпризы, например заминированные пауэрбанки.

Каждый в батальоне – уже состоявшийся специалист по минно-взрывному делу. Они разбираются в спецификациях не только отечественных изделий, но и тех, что произведены в странах НАТО. Обычно немногословный «Гусар» оживает, когда речь заходит именно об этом.

– Противник применяет дистанционное минирование. Мины – американского, немецкого, английского производства, – рассказывает «Гусар». – И мины эти с датчиками сейсмической активности, они реагируют на сапёра, поэтому к ним просто не подобраться. Реагируют на автомат, на те же самые шнурки, на железные вставки. И в результате – подрыв.

Разумеется, не все в подразделении – специалисты по минно-взрывному делу. Есть и разведчики – без них работа была бы невозможна. Некоторые выходят к вражеским позициям лично, другие осуществляют разведку с применением беспилотников.

Сейчас «Патрон» – специалист по дронам, хотя до войны молодой парень не имел к ним никакого отношения.

– С дронов мы ведём инженерную разведку, ищем вражескую технику, укрепления, блиндажи и живую силу. Потом передаём информацию для минирования, – рассказывает специалист по беспилотникам.

Используют, как правило, традиционные «Мавики». Их никогда не бывает достаточно, поэтому в батальоне с благодарностью встречают каждый гуманитарный груз. Любой дополнительный беспилотник – это дополнительно выявленная вражеская позиция, подходы к которой могут быть дистанционно заминированы. А значит – спасённые жизни наших солдат.

– А как противник себя ведёт, когда слышит жужжание беспилотника?

– Ну, конечно, прячется, начинает стрелять, пытается укрыться.

– Реально ли вообще из обычного автомата сбить его?

– Реально.

Сапёрная жилка

Несмотря на то, что сейчас бойцы батальона выглядят так, будто занимались сапёрным делом всю жизнь, на самом деле на момент комплектования батальона сапёров среди них было меньше половины. О том, как удалось сковать из неподготовленных людей боееспособное подразделение, рассказывает начальник штаба «Свяяги» с позывным «Булат».

– Как нам удалось подготовить ребят? Помогла большая практика. Работаем, практикуемся. Молодых, которые пришли в батальон, сразу в бой не бросаем. Сначала мы их тренируем на полигоне. Они общаются долгое время с опытными бойцами, перенимают их опыт, – поясняет «Булат». – И под руководством этих опытных бойцов ребята уже идут в дело. Ветераны дают молодым людям оценку – подходит человек для наших задач или его стоит переместить на какую-то спокойную должность. Не каждый человек может справиться с сапёрным делом, нужен особый склад характера. Не все люди одинаковые, не у всех есть жилка сапёрная. Поэтому мы пытаемся каждого человека поставить на ту должность, с которой он справится в полном объёме.

– Какие качества необходимы для того, чтобы стать сапёром? В чём жилка состоит?

– Во-первых, страх должен всегда присутствовать, чувство опасности. Сапёр должен чувствовать, что надо делать, как подойти, как отойти, как обойти именно это место. Какой-то внутренний голос должен быть у человека: стоит это делать или нет.

Сам «Булат» – кадровый офицер из Ульяновска. Его родители до сих пор живут в Ульяновске, ну а сам он годами – по долгу службы – менял места жительства. Потом узнал, что в Ульяновске формируются именные батальоны, и решил перевестись туда, чтобы сражаться бок о бок с земляками. Закончил Булат и военное училище: сапёрному, инженерному делу обучался в течение пяти лет.

– Учили нас ещё по советским учебникам. Вспоминали Великую Отечественную войну, Афганистан, Чечню. Сейчас многое изменилось, нужны новые учебники, – поясняет «Булат». – После войны будут учить людей по-новому. А что до боевой обстановки... Она всегда сложная, напряжённая. Каждый день всё меня-

ется. В любой момент может поступить команда перенаправить группу, свернуть дислокацию. Командир должен контролировать.

Обстановка действительно меняется каждую минуту: пока мы беседуем с начальником штаба, с передовых позиций возвращается разведчик «Дьявол». С «Демоном» из «Симбирска» он не знаком, зато их inferнальные позывные одинаково пугают врага.

– Что конкретно разведывал – информация секретная, – уклончиво говорит «Дьявол». – Производили разведку, где можно и лучше поставить мины. Определяли численность противника в данном квадрате. Это была «серая» зона.

– Что вообще чувствует человек, когда находится в «серой» зоне, где поджидает опасность каждую минуту?

– Ну, страх есть. А так... Самое главное – выполнить задачи. Обстановка там тяжёлая. Есть такая деревня Андреевка. От неё уже вообще ничего не осталось. Одни руины. Там всё разрушено. Если честно, чувствуется напряжение в воздухе. Что-то должно произойти.

Дело мастера боится

Напряжение чувствуется и здесь, в тыловом расположении. Одни солдаты возвращаются с боевых задач, другие уходят на задания. Пара бойцов в бронжилетах и шлемах собралась за считанные минуты: поступила информация о том, что один из русских солдат подорвался на mine, погиб. Его тело нужно достать. Тяжёлая боевая работа выпала сегодня им. Работать будут 2–3 часа, в зависимости от местности. Такие задачи выпадают регулярно.

Бойцы «Свяяги» не стесняются своего страха, и это отличает сапёров от военных других специальностей. В их ремесле иначе нельзя. Чувство самосохранения – оголённый нерв, который помогает выжить и спасти другого. Но это у тех, кто на передовой.

А вот у «Кирпича», батальонного мастера на все руки, чувство самосохранения, кажется, вовсе отсутствует – мужчина пилит болгаркой боевые снаряды для РПГ и продельывает с минами такие манипуляции, что даже нам, предусмотрительно стоящим в нескольких метрах от него, становится страшно.

– Всё разбираем, – делится «Кирпич». – Нам для работы нужен пластид. Производство безотходное. Остатки идут в БПЛА. Мы делаем противопехотные мины и противотанковые. Новые мины поступают – мы сами придумываем, как их переделать, чтобы использовать безопаснее. Сапёр – редкая специальность. Пехотинца можно обучить за день-два, а сапёра нужно серьёзно учить. Сейчас покажу, как мины болгаркой режем. Никогда даже предположить не мог, что такое возможно! Что буду болгаркой мины резать...

«Кирпич» отводит нас в цех, берёт болгарку и начинает ею резать снаряд для РПГ. Следующий этап – к хвостовику прикрепить мину для её дистанционного отстрела, а боевую часть – к дрону-камикадзе.

– У нас тут мини-цех. Он только начинает работать, но планы у нас большие. До войны в Ульяновске я был муж на час – руками мастерил. Для меня это не первый контракт: за плечами Чечня, Югославия, – задумчиво говорит «Кирпич».

На одном из распиленных снарядов – надпись: «За Россию, за пацанов». Эта боевая часть, прикреплённая к коптеру, может подорвать и «Бредли», и «Леопард».

Производит «Кирпич» и подрывы – при необходимости. Взрывчатка здесь лежит на каждом шагу.

Военный достаёт кусок пластида и флегматично несёт его на местный полигон для взрывных работ.

– Ну что, начинаем минно-взрывные работы, у нас будет тридцать секунд покинуть это место! – обращается к нам сапёр.

В ожидании взрыва охватывает чувство тревоги. Оглушающий взрыв вызывает дрожь во всём теле и одновременно – облегчение. Всё прошло так, как надо.

К этим эмоциям сапёры не имеют права привыкать. Если привык, значит, расслабился и можешь сделать ошибку, и она будет стоить жизни.

В таком напряжении сапёры пребывают уже год и будут держаться столько, сколько потребует Родина. Служба сапёров не закончится с окончанием СВО: им предстоит разминировать освобождённые территории.

Мы встретимся с ними снова и не раз, а пока «Свяяге» предстоит тяжёлая боевая работа.

Андрей Творогов

Фото **Владимира Ламзина**